

УДК 908

В.Д. Пузанов

Сургутский уезд в конце XVI-XVIII в. Историко-этнографический аспект колонизации Сибири

Аннотация. Город Сургут был основан русским отрядом князя Федора Барятинского и Владимира Аничкова в 1594 г. В состав нового Сургутского уезда вошла территория Среднего Приобья. Русскую власть в крае представлял небольшой гарнизон Сургута. Главное значение в гарнизоне имели стрельцы и казаки, кроме них были служилые иноземцы – литва и черкасы. Служилые люди были фактически единственной группой русского населения уезда. После строительства Сургута служилые люди гарнизона города играли главную роль в присоединении к России бассейна р. Оби, где позднее возникли Нарымский, Кетский и Томский уезды.

Ключевые слова: город, острог, уезд, ясак, воевода, служилые люди, казаки, стрельцы, годовальщики, ясачные люди.

V.D. Puzanov

Surgut district at the end of XVI-XVIII centuries. Historical- ethnographic aspect of the colonization of Siberia

Summary. Surgut was founded by Russian detachment of the Prince Fyodor Baryatinsky and Vladimir Anichkov in 1594. New Surgut district included the territory of the Middle Ob area. Russian authority in the region was represented by a small garrison of Surgut. Riflemen and Cossacks had a main value in the garrison, in addition to them there were service class outlanders – the Lithuanians and Cherkassy. In fact, service class people were the only group of the Russian population of the district. After the construction of Surgut the service class people of the town's garrison played a major role in joining of the river Ob basin to Russia, where later Narymsky, Ketsky and Tomsky districts appeared.

Key words: town, burg, district, tribute, voivode, service class people, Cossacks, riflemen, service class people from one district, tributary people.

Крупным событием в процессе распространения русской власти в северной Сибири стало основание города Сургута отрядом князя Федора Барятинского и Владимира Аничкова. По данным Книги Записной, первый город Сургут ставил воевода князь Федор Петрович Барятинский в 1595 г. служилыми людьми Сургута, Березова и иных городов. Однако по данным актов, основание города произошло в 1594 г. 19 февраля 1594 г. дворянину Владимиру Аничкову была дана память, по которой ему надлежало взять казаков в Пелыме и Тобольске, а затем идти на север, захватив отряд князя Алачева, годовальщиков из Обского города и отряд казаков из Березова [1, 140; 2, 1 – 3].

В Тобольске к экспедиции присоединился ее главный руководитель князь Федор Барятинский. Если Владимир Аничков к 1594 г. был уже известным воеводой, то князь Федор Барятинский в то время еще не имел серьезного административного и военного опыта. В 1594 г. это был молодой человек, который только начинал свою службу государю. Однако принадлежность князя Федора Барятинского к знатному роду позволила назначить его первым воеводой экспедиции и нового города. В это время вся семья князя Федора Барятинского находилась в Тобольске в ссылке. Причиной этой ссылки был характер главы семьи, князя Петра Ивановича Барятинского, любившего местничаться

с другими фамилиями московской знати. В 1591 г. отец Федора князь Петр Иванович Барятинский был направлен в качестве второго воеводы Большого полка на войну со Швецией. Первым воеводой Большого полка и командующим войска был Петр Никитич Шереметев, а воеводой передового полка князь Владимир Долгорукий. Петр Барятинский стал местничаться с князем Владимиром Долгоруким, заявив, что он не может служить на должности меньше его. В результате в ответ на требование правительства ехать на службу и «государя не кручинить», князь Петр Барятинский отказался служить в таком порядке и был заключен в тюрьму на 3 дня, а затем был сослан в Сибирь «з детьми». Это первая известная из разрядов ссылка в Сибирь представителя московской знати [3, 89].

В Тобольске князь Петр Барятинский служил воеводой в 1592-1594 гг. В 1592 г. князь Петр Барятинский служил одним из 4-х воевод Тобольска. В 1594 г. князь Петр Барятинский упомянут в разрядах в качестве второго воеводы Тобольска наряду с первым князем Федором Михайловичем Лобановым-Ростовским. Таким образом, к 1594 г. значение князя Петра Барятинского в Тобольске усилилось. По списку 1577 г., Петр Иванович Барятинский служил московским дворянином. Боярский список 1598 г. отмечает у князя Петра Барятинского 4-х сыновей, которые в это время числились московскими дворянами: Федор, Яков (старшие), Иван и Михаил. В 1588 г. они упоминаются в боярском списке в качестве жильцов Государева двора [4, 128]. Назначение в Сургут воеводой молодого князя Федора Барятинского объяснялось, главным образом, положением его отца в качестве воеводы Тобольска. Служба князя Федора Барятинского в Сургуте продолжалась всего год. 10 февраля 1595 г. государь послал в Сургут нового воеводу Осипа Плещеева и велел князя Федора из Сибири отпустить. Возможно, причина такого быстрого отъезда – прощение государем князя Петра Барятинского,

который получил разрешение вернуться с детьми. Во всяком случае, уже в 1596 г. князь Петр Барятинский был назначен головой в Мценск, где опять пытался местничаться с воеводой князем Федором Турениным, но по приказу государя был выслан на службу с приставом. Позднее в Сургуте служил брат Федора князь Яков Барятинский [5, 187].

В состав нового Сургутского уезда вошла территория русского Приобья, южнее волостей Березовского уезда. По наказу царя Федора Ивановича к Сургуту переходили «волости все и городки, которые пошли от Обсково городка от усть Иртыша к новому городу Сургуту, и Самаровская волость, и выше и которые волости пошли вверх по Оби к Пегой Орде и выше Пегие Орды» – всего 10 волостей. В 1610 г. в уезд по просьбе остяков вошел Муалымский городок, расположенный на устье Иртыша, из состава Березовского уезда. Таким образом, устье Иртыша стало границей Сургутского уезда в северном Приобье. Восточная граница Сургутского уезда определилась в ходе военной борьбы. На рубеже XVI-XVII вв. Сургут являлся основной русской военной базой в борьбе с Пегой ордой – союзом селькупов, знать которой поддерживала связи с Кучумом [6, 34; 7, 86]. В 1596 г. сургутские воеводы О.Т. Плещеев и И.И. Колемин писали в Москву, что Кучум заключил военный союз с князем Пегой орды Воней для похода на Сургут. Эта борьба завершилась походом из Сургута, подчинением Пегой орды и основанием русских острогов на ее территории – Нарымского, Кетского по среднему течению Оби [8, 78]. В Сургутский уезд вошли еще 5 верхних волостей по р. Оби.

После строительства в 1604 г. Томск, благодаря своему географическому положению, стал центром нового уезда, в состав которого перешел ряд волостей Сургутского уезда. По наказу царя Бориса Годунова местным властям поручалось размежевание границ Томского и Сургутского уездов

по географическому принципу: «а которые волости и городки подошли к Томскому городу ближе Сургутского города и Нарымского и Кетского острогов и в волости и в городки и в них князьков и мурз и остяков велеть переписать, и ведать их судом и управою и ясаком в новом Томском городе, и ясачные книги всем тем волостям для справки взяти в Сургуте, почему с них ясаку имано, а збирая ясак отсылати в Сургут, а в Нарымский и Кетский остроги другого ясаку имати не велети» [9, 76]. Позднее из состава Сургутского уезда были выделены Кетский уезд и Нарымский уезд. Эти административные преобразования начала XVII в. поставили Сургутский уезд в те границы, какие с небольшими изменениями существовали до ликвидации уезда в 1804 г.

В XVII в. территория Сургутского уезда считалась «богатой ценными мехами местностью». В августе 1692 г. через Сургут проезжало посольство Избранта Идеса и Адама Бранда, отправленных царем Петром Алексеевичем в Китай. Интересно описание Сургута, оставленное Адамом Брандом: «Сургут – небольшой городок, в котором почти нет торговли и движения, поскольку в нем живет мало народу... В этой местности много бедного, оборванного люда. Объясняется это тем, что у них мало земли, неразвитое сельское хозяйство и промышляют они только охотой на соболей, горностаев и лисиц». По словам Избранта Идеса, «в Сургутской области и вверх по Оби, до самого Нарыма, попадают соболи..., а также наиболее крупные и красивые горностаи из всех, каких ловят в Сибири и России и в особенности чернобурые лисицы, которые в этих местах... красивее, чем где бы то ни было» [10, 97]. Послы сообщали, что стоимость отборных соболей, отправляемых к царскому двору, доходила в ценах конца XVII в. до 200-300 рублей и они ценились выше соболей Восточной Сибири. После выделения из уезда значительных территорий, его ясачное население сократилось до 4090 чел. (в первой

четверти XVII в.). Из них плательщиками ясака являлись 1018 чел. По этнографическому составу это были ханты, селькупы и кеты. В конце XVIII в., несмотря на передачу ряда волостей в состав Тобольского и Нарымского уездов, ясачное население Сургутского уезда увеличилось, составив 4910 чел. Первоначально ясачные люди Сургутского уезда платили по 11 соболей с человека, затем в 1610 г. по просьбам остяков оклад был снижен до 9 соболей. По замечанию П.Н. Буцинского, «несмотря на это облегчение, инородцы и после того никогда не выплачивали полного оклада, всегда находили какие-нибудь объяснения этому». П.Н. Буцинский считал причиной этого «леность инородцев и нежелание их выплачивать полный оклад, зная снисходительность русского правительства» [11, 91]. Эта мысль историка представляется если и верной, то крайне односторонней. Источники позволяют выявить несколько глубоких причин этого явления.

Материалы Сибирского приказа позволяют сделать вывод об общем кризисе ясачной добычи, возраставшем на протяжении всего XVII в. в старых русских уездах (прежде всего, на территории бывшего Сибирского царства). Этот кризис имел место и в Сургутском уезде. Можно привести следующие данные: в 1625 г. с 796 плательщиков ясака удалось собрать ясаку на сумму свыше 3 000 рублей. В 1700 г. с 720 ясачных людей 14 волостей Сургутского уезда представителями русской власти было собрано ясаку и поминков на сумму 2322 рубля. Недоимки по сбору составили 1293 рубля (примерно 36% от общей суммы ясака в 3615 рублей). Одновременно в Сибирском приказе было подсчитано, что общая недоимка с 1626 г. по 1700 г. с ясачных людей уезда составляет сумму 62 090 рублей 18 алтын 4 деньги.

По данным приказа, полностью собрать ясак воеводам не удавалось никогда: «... в иных годах в Сургуте збиралось больше и меньше, а сполна против окладу не збирается» [РГАДА, Ф. 214, Д. 1354,

Л. 109 – 378]. Были отмечены и причины неполного сбора ясака: «... а воеводы в отписках и сметных списках пишут, что ясашные люди стары и дряхлы и увечные и ленивые. Промыслы им не удались, и за голодом и за болезнью промышлять не ходили, да и для того, что у многих ясашных людей з голоду промышленные собаки пропали, а иные ходили в подводах». Еще одной причиной являлась смертность ясачного населения: «... а иные иноземцы... сами померли и того ясаку и воеводских поминок взять ненаком». По сведениям воеводы Сургута (1695-1701) Льва Вельяминова-Зернова, только в 1700 г. от голода «иноземцев умерло ясачных и их жен, и детей, и всяких свойственников с 500 человек и больше», несмотря на раздачу осяткам хлеба из государственных запасов [12, 78]. По данным воевод, с 1632 г. по 1701 г. «выбылых сургутских ясачных людей» насчитывалось 2 151 человек, на которых следовало донять ясаку и поминков на сумму 73 148 рублей. Русские власти понимали, что этих денег им уже не получить: «... того ясаку и поминков ныне и впредь взять ненаком». Общая недоста-ча ясака с живущих и «выбылых» ясачных людей равнялась 135 238 рублям. В XVII в. это была очень крупная сумма денег – совокупный доход Русского государства во второй половине XVII в. составлял, по данным П.Н. Милюкова и Г.В. Вернадско-го, не более 1 200 000-1 300 000 рублей в год [13, 241]. Таким образом, общая недо-имка в сборе ясака Сургутского уезда за 70 лет составляла 1/10 ежегодного дохода России.

Воеводы Сургута оправдывали свою неспособность заставить ясачных людей заплатить недоимки изменением правительственной политики по отношению к ясачным Сибири: «а по прежним указом и по воеводским наказом с иноземцев велено ясак збирать ласкою, а не жесточью, а правежем править невелено, чтоб тем иноземцев ясашного платежу не отогнать в дальние места». Эта политика имела под

собой давние основания. Воевода Сургута в 1601-1602 гг. Я.П. Барятинский попы-тался добиться выплаты ясака, применяя принуждение и силу. Ответом стало вос-стание 1602 г., поднятое осятками верхних по р. Оби волостей (в том числе недавно покоренной Пегой орды). Его преемник Ф. Головин в 1603 г. провел следствие, в ходе которого осятки всех волостей пока-зали, что восстание было поднято по при-чине того, что Я.П. Барятинский собирал ясак «не ласкою», а «жесточью». Царь Бо-рис Годунов повелел Ф. Головину собрать в Сургуте представителей всех волостей и заявить, что отныне с них будут брать столько ясака, сколько они смогут упла-тить. Таким образом, центральная власть готова была фактически примириться с неисправным платежом ясака, чтобы обе-спечить хоть какую-нибудь стабильность на востоке страны. Угроза восстания была главной причиной, которая заставляла Москву требовать от воевод «ясак збирать ласкою».

Второй подобной причиной являлась возможность ухода осятков на восток. Бег-ство сибирских ясачных людей в «дальние места», где их не могли найти представи-тели государственной власти, в XVII в. было очень распространенным явлением. Тюркоязычное население сибирского юга бежало в степи к Кучуму и его потомкам, в кочевья ногаев, а позднее ойратов. Осят-ки Приобья уходили на восток. В ясачных книгах Сургутского уезда за 1620-1670 гг. неоднократно отмечаются переходы осят-ков уезда в район рек Таза и Енисея. Эти переходы могли быть временными – на сезон охоты (в таком случае, они вели к опозданию внесения ясака). Однако ча-сто переходы заканчивались переселением сургутских осятков на реки Таз и Енисей. Так, в 1631 г. часть осятков Караконской и Сымской волостей «сошли на Енисею без-вестно» [8, 82]. В этом случае переселенцы надолго исчезали от русских властей. Позд-нее их могли заставить платить ясак в рус-ские уездные центры Восточной Сибири.

Также отрицательно сказывались на сборе ясака военные конфликты между племенами Сибири. На сибирском юге ясачные люди подвергались постоянным нападениям кочевников, обитавших около расплывчатых границ русской Сибири. Остяки Сургутского уезда постоянно сталкивались кочевниками севера – самоедами Березовского уезда. Русские источники говорят о постоянных столкновениях остяков и самоедов в XVII – XVIII вв. В 1645 г. самоеды убили двух остяков Караконской волости Сургутского уезда. В мае 1649 г. указ Алексея Михайловича отмечал, что около 300 ханты Сургутского уезда собираются весной идти в поход на ненцев Мангазейского уезда. В 1684 г. по приказу тобольского воеводы князя Петра Прозоровского было предпринято расследование по поводу слухов о намерении остяков Тымской волости Сургутского уезда пойти войной на самуюдь Березовского уезда. Остяки сообщили воеводе, что у них нет подобных планов, наоборот, «они, березовская самаядь, по многия времена к ним на Тазовскую сторону прихаживали, и многих ясашных остяков побивали, и жен их и детей в полон имали, и животы их грабили». В 1748 г. самоеды в ходе набега на Сургутский уезд убили остяцкого князца. 19 ноября 1749 г. прибывший в Сургут остяк Юганской волости Герасим Сайготин сообщил, что самоеды пришли в Пимскую волость и хотят побить остяков Пимской и Юганской волостей [14, 56]. Воевода Сургута сразу запросил в Тобольске присылки подкреплений и оружия.

Город имел значительные укрепления. В списке 1691 г. отмечали, что первый рубленный город с 4-мя башнями был ставлен на расстоянии с версту от большой Оби в 1594 г. при воеводе князе Федоре Барятинском. Город Сургут имел длину 290 метров, стены высотой около 5 м. Позднее в городе был построен острог, который имел длину в 450 метров. В 1602 г. при воеводе князе Якове Барятинском была построена над воротами города еще одна Спасская

шатровая башня. К 1627 г. укрепления Сургута состояли из города и острога. В городе имелось 5 башен, 1 на воротах и 4 башни глухие, 2 ворот без башен, в остроге 1 башня на воротах и 2 ворот без башен. Таким образом, оборону усиливали 6 башен. В 1665 г. на месте рубленного города был построен острог без мостов и лестниц. В 1680 г. при воеводе стольнике Дмитрие Иванове сыне Лихареве служилые люди сломали старую и построили новую Боровую башню на 8 углах с колокольной. К 1691 г. острог находился в плохом состоянии. В 1700 г. по государеву указу на месте острога 1665 г. был построен новый острог без мостов и лестниц на обламах длиной 308 метров. Новые стены имели высоту 6 метров. На остроге стояли 6 башен: 2 проезжие и 4 глухие.

В 1613 г. в Сургуте была построена соборная и апостольская церковь во имя святой Троицы. В остроге находились приказная изба, караульная изба, погреб для боеприпасов, 7 амбаров для запасов хлеба и соли, тюрьма. В 1691 г. в остроге был построен подвал для 450 ведер вина, которые были присланы из Тобольска. По данным списка 1691 г., в остроге не было дворов служилых людей [РГАДА, Ф. 214, Ст. 25, Л. 28; Кн. 1009, Л. 78-98; Кн. 1370, Л. 508]. К 1627 г. артиллерия города насчитывала 4 пищали: 1 медная ядром весом в 2 гривенки, 1 медная пищаль ядром весом 1 гривенка, 1 железная пищаль ядром весом 1 гривенка, 1 затинная пищаль. В казне имелось 200 ядер железных, 195 ядер свинцовых, а также 1 300 ядер железных и свинцовых к затинной пищали. К 1638 г. в городе имелось 6 пищалей: 2 медных и 4 затинных. Эти 6 пищалей остались в городе и отмечаются в списках 1660, 1684, 1691 и 1701 гг. [РГАДА, Ф. 214, Кн. 1009, Л. 81-83].

Предотвращение выступлений ясачного населения и сбор ясака обеспечивал небольшой гарнизон Сургута. Я.Г. Солодкин справедливо отмечал наличие в гарнизоне терских, донских и польских казаков.

В 1594 г. по государеву наказу руководитель экспедиции по строительству Сургута Владимир Аничков должен был взять у воеводы Пелыма князя Петра Горчакова отряд казаков Темиря Иванова, в котором состояли терские, донские и польские казаки. Первое время после основания Сургута в нем несли службу служилые люди сибирских городов, строившие город. Обычно после строительства нового города большая часть служилых людей отпущалась в свои города. В Сургуте остался пришедший из Пелыма отряд казаков. Годовальщиков из Обского города по наказу князя Федора Лобанова-Ростовского следовало отправить в Тобольск.

10 февраля 1595 г. в Сургут был послан новый воевода Плещеев, который должен был в Сургуте сказать жалованное слово атаману Темирю Иванову и казакам его прибору, «чтоб они потерпели и государю послужили». Возможно, это указание было вызвано просьбами казаков отпустить их из нового города. Наказ обещал казакам послать им замену к Новому году [15, 26]. Это обещание было выполнено. В царской грамоте 1596 г. отмечается, что в Сургут было послано 112 «новоприборных» служилых людей, казаков, стрельцов и литвы. В 1596 г. гарнизон города насчитывал 155 казаков и стрельцов. К 1601 г. в Сургуте служили 280 служилых людей: стрельцы, казаки, литва и черкасы. Служба в Сургуте была трудной. В 1603 г. в Сургут прибыли новый воевода Федор Головин и голова Гаврила Писемский, на смотре обнаружившие недостачу 115 служилых людей, казаков и стрельцов, которые были убиты в посылках и острогах или умерли. Воевода и голова смогли прибрать в уезде только 40 человек новых служилых людей. 3 марта 1604 г. была послана царская грамота на Верхотурье, воевода которого должен был набрать в гарнизон Сургута остальных служилых людей из «вольных охочих людей, чтоб они были собою добры, и стрелять были горазды и служивое дело за обычай».

В первые десятилетия в Сургуте в начальных людях служили дети боярские. Однако позднее, с 1620 г., эта группа служилых людей в городе не встречается. Возможно, дети боярские из Сургута были переведены в другие города. Так, известно, что в 1609 г. было приказано отправить сына боярского из гарнизона города в Томск. Разрядная книга 1625 г. отмечает в Сургуте 2-х атаманов и 202 человека литвы, новокрещенцов, казаков и стрельцов. К 1628 г. гарнизон насчитывал 202 чел. – 2 казачьих атамана и 200 чел. казаков и «литвы». В это время во всех сибирских городах и острогах насчитывалось 2773 чел. Из них 632 чел. стояли гарнизонами в «понизовых городах», контролировавших северную часть русской Сибири. К 1633 г. в городе служили 3 атамана казачьих, а гарнизон состоял из 186 служилых людей [РГАДА, Ф. 214, Кн. 46, Л. 45].

Главную роль в гарнизоне играли головы и атаманы казаков. Атаманы верстались обычно из казаков города. В 1609 г. стрелецкий пятидесятник города Сургута был пожалован в Москву в атаманы казаков, получив оклад 8 руб. и 8 чет муки. В списке 1638 г. в Сургуте отмечается 1 голова стрелецкий и казачий и 2 атамана казачьих, гарнизон в составе 186 служилых людей. В 1649 г. в Сургуте умер голова стрелецкий и казачий. К 1660 г. гарнизон составлял 195 служилых людей, которыми командовали 1 голова казачий, 2 атамана казачьих. Позднее должность головы казачьего исчезает из гарнизона, последующие списки отмечают в качестве начальных людей только 2 атаманы казачьих. К 1672 г. в гарнизоне служили 186 служилых людей. Казачьи атаманы отмечаются в списках до конца XVII в. Список 1703 г. отмечает в Сургуте только 1 сотника. Последний атаман Сургута Яков Батолин умер в 1701 г. Только в 1704 г. в его оклад был положен казак Герасим Новосильцев, которому было велено писаться сотником [РГАДА, Ф. 214, Кн. 110, Л. 41].

Большую роль в гарнизоне города играли иноземцы. В 1607 г. в Сургуте служили 28 человек литвы и черкас. В 1627 г. список отмечает в гарнизоне только 10 человек литвы и немчин, к 1629 г. был прислан еще 1 немец, также отмечается подгородной служилый татарин. В 1633 г. количество служилых иноземцев составляло 8 человек: 7 литвы и 1 немец. В 1638 г. в Сургуте было 7 иноземцев: 5 человек литвы, 1 поляк, 1 немец. К 1647 г. в Сургуте осталось 4 человека литвы. В списке 1649 г. отмечается, что в городе осталось только 2 человека литвы, а 2 литвы умерли, на место которых были верстаны в службу казачьи дети. Война с Польшей привела к новому увеличению количества иноземцев в городе, список 1660 г. отмечает в городе 10 человек литвы, с тем, что 1 человек ссыльный черкашенин прислан в Сургут и велено ему быть в пеших казаках. Всего в 1660-1661 гг. в Сургут были присланы и зачислены в казаки «челядники» 10 человек, взятых в плен и сосланных в Сибирь из Польши. После окончания войны иноземцы покидают гарнизон, список 1672 г. отмечает в его составе только русских служилых людей, сообщая, что 1 черкашенин взят в Тобольск, надо думать, это черкашенин, присланный в 1660 г. [РГАДА, Ф. 214, Кн. 568, Л. 48].

В 1627 г. в городе было 189 стрельцов и казаков и 3 пушкаря. На протяжении XVII в. число пушкарей осталось постоянным, а количество стрельцов сократилось на 17 человек. Разрядная книга 1631 г. упоминает в городе 189 стрельцов и казаков, а к 1633 г. в Сургутском городе насчитывалось 172 стрельца и казака. Позднее число стрельцов и казаков постепенно увеличивается. В 1638 г. в Сургуте было 173 пеших казака и стрельца, в 1647 г. 176 пеших казаков и стрельцов. В 1649 г. были верстаны в службу 2 казачьих детей и писаны с иными казаками в места. В результате число казаков составило 178 человек, в 1660 г. 179 казаков, в 1672 г. 180 казаков, в 1703 г. 180 казаков. К 1627 г. в городе имелось 3 обротчика: 1 остяцкий толмач

и 2 воротника, городской и острожный. К 1633 г. их насчитывалось уже 5 человек: толмач, 2 воротников, сторож и палач. К 1638 г. число обротчиков увеличилось до 6 человек: 1 толмач, 2 воротников, таможенный сторож, тюремный сторож и палач. Это количество обротчиков отмечают и последующие списки 1649, 1660 и 1672 гг. В первые десятилетия казаки города формировались из разных категорий. В 1679 г. государевой грамотой воеводам Сибири было приказано не писать в службу из посадских людей, крестьян и других групп тяглых людей. Казаков, зачисленных после 1663 г., приказывалось отставить. В Сургуте в 1693 г. был отчислен из казаков бывший гулящий человек и записан в посадские люди. Служилые люди были фактически единственной группой русского населения города. В списке 1694 г. отмечалось, что кроме семей служилых людей в Сургуте имелись 7 казачьих детей, еще не зачисленных в службу, и 4 посадских человека. В списке 1704 г. посадские люди в городе уже не отмечались [РГАДА, Ф. 214, Кн. 1407, Л. 70-72].

В 1632 г. в Сургуте имелось 199 жалованных людей, которые получали в оклады 1 085 рублей. Всего к 1703 г. в Сургуте имелось 203 жалованных человека: 7 ружников, 3 чиновника, 1 сотник, 180 казаков и обротчики. Оклад города достигал 1 083 рубля, 776 чети ржи, 401 четь овса, 294 пуда соли. Городские доходы составляли обычно около 900 рублей. Так, в 1703 г. в городе собрали доходов 899 рублей. В результате часть жалования присылалась из Москвы, часто товарами. К 1694 г. казна была должна служилым людям 4 242 рубля. Этот долг был накоплен с 1657 г. В 1676 г. долг составил 630 рублей, в 1677 г. 677 рублей, в 1681 г. 275 рублей, в 1682 г. 359 рублей, в 1683 г. 257 рублей, в 1690 г. 359 рублей, в 1691 г. 322 рубля, в 1694 г. 282 рубля. По данным списка 1694 г., дать служилым людям было нечего, из Москвы не прислали товаров [РГАДА, Ф. 214, Кн. 1080, Л. 30-46].

В научной литературе отмечалась особенность раннего заселения Сургута, связанная с фактическим отсутствием крестьянского населения на протяжении первых двух веков существования русского Сургута. Как указывалось в «Ведомости сибирских городов» 1701 года: «А хлеб в Сургуте не родится, а присылают хлеб и соль на окладные и неокладные расходы ис Тобольска» [РГАДА, Ф. 214, Д. 1354, Л. 374 об.]. Эта доставка продовольствия, а также содержание русского военного гарнизона в целом, являлись нелегкими задачами для Сибири XVII – XVIII вв. в целом. Известно, что до конца XVII в. Сибирь не обеспечивала себя хлебом, который ввозился из европейской России. Но и в XVIII в. доставка хлеба с юга Тобольского уезда в Сургут была очень трудна и в техническом, и финансовом отношении. Только ясак – дань, наложенная на остяков, состоящий из так ценимой в Европе и на востоке «мягкой рухляди», которая в XVII в. составляла главный предмет экспорта Московской Руси, делала возможным и необходимым существование Сургута в это время.

Организация снабжения гарнизона города продовольствием была проблемой для администрации, особенно в первые десятилетия. В эпоху Смуты происходили перебои с доставкой продовольствия, которое отвозили крестьяне и посадские люди Поморья в города Сибири. Так, 25 октября 1609 г. в грамоте Василия Шуйского отмечалось, что города Поморья, которые должны были привести в Сибирь 8390 чет муки ржаной, 695 чет круп, не выполнили это распоряжение правительства. Василий Шуйский приказал жилецким людям Поморья отвести эти припасы по первому пути зимой 1609 г. Царь Василий Шуйский писал воеводам Сургута, чтобы они сказали служилым людям города: «они бы ныне потерпели, а на наше жалование были надежны одноконечно к ним хлебное и денежное жалование пришлем, ... и всякие нужи их исполним» [16, 367].

В январе 1610 г. в Сургут по царскому указу было приказано дослать за прошлый год ружникам и обротчикам из Тобольска 338 чет муки. Из Сургута в Тобольск за хлебом был послан десятник Герасим Петров с товарищами. Однако в Тобольске служилым людям хлеба не дали, в итоге ружники и обротчики Сургута не получили хлебного жалования 431 четверть муки за 1608 и 1609 г. Воеводы Сургута жаловались царю, что по этой причине служилые люди, ружники и обротчики Сургута имеют большую нужду в хлебе. Царским указом в Тобольск было приказано отдать недостающий хлеб. 6 января 1610 г. воевода Тобольска князь Катырев Ростовский писал в Сургут, что из городов Поморья посланы запасы на Верхотурье с Тобольским сыном боярским Василием Тырковым.

Главной проблемой русской власти Сибири стало обеспечение безопасности южных границ, где соседями русских стали кочевые этносы. Военное строительство на юге породило план перевода северных гарнизонов. В 10-е годы XVII века положение южных границ стало более опасным. В степях шла непрерывная война за кочевья между калмыками, монголами, казаками, ногаями. Проигрывающие в борьбе калмыки подкочевывали на русскую границу, оттесняя ясачное население. Гарнизонов Тюмени, Тары и Томска – трех русских форпостов южной Сибири – было недостаточно для сдерживания кочевников и расширения границ ясачного населения. 8 апреля 1621 г. воевода Томска Федор Бабыркин предложил руководству Казанского приказа заменить постоянные гарнизоны Сургута и Березова и некоторых других острогов на годовальщиков, которые присылались бы из Томска «сколко человек пригоже». Казаков Сургута и Березова, «которые пригодятся к конскому сидению», планировалось перевести в Томский острог, гарнизон которого должен был вырасти до 1000 человек «для того, что к Томскому городу прилегли орды многие» [17, 184; 18, 108; 19, 71 – 76].

Правительство Михаила Федоровича заинтересовалось этим планом и начало наводить справки в среде служилых людей. Они показали, что Березов и Сургут от Тобольска «удалели» – до Березова надо добираться 4, а до Сургута 6 недель, и при отводе отсюда гарнизонов на юг, города будут разрушены ясачным населением. В результате гарнизоны Березова и Сургута были оставлены в прежнем составе. На протяжении XVII в. количество сургутских служилых людей составляло около 200 чел. (1625 г. – 222 чел., 1645 г. – 199 чел., 1676 г. – 192 чел., 1699 г. – 185 чел.). Нельзя не отметить долговременную тенденцию медленного, но неуклонного сокращения гарнизона.

В XVIII в. эта тенденция стала более явной. В 1703 г. гарнизон Сургута состоял из 2 сотников, 3 пушкарей и 180 рядовых казаков (всего 185 человек). К 1724 г. по данным, присланным в Сенат, в Сургуте имелось 183 служилых (2 сотника, 3 пятидесятника, 18 десятников, 160 казаков и пушкарей). 2 дворянина, 7 детей боярских составляли верхний слой города. Губернатор Сибири предполагал провести сокращение гарнизона за счет вывода за штат верхушки гарнизона (дворян, детей боярских и сотников), которые получали более высокие оклады, чем простые казаки. Планировалось оставить 1 пятидесятника, 170 казаков и пушкарей [20, 272]. Однако к середине XVIII в. гарнизон Сургута был сокращен до ста человек.

После строительства Сургута служилые люди гарнизона города играли главную роль в присоединении к России бассейна р. Оби, где позднее возникли Нарымский, Кетский и Томский уезды. Гарнизоны Нарымского и Кетского острогов долгое время состояли из присылаемых туда сургутских служилых людей «по 30-ти человек в острог». Первые годы существования эти остроги не были выделены в центры отдельных уездов. На юге русские отряды обложили ясачом районы по рекам Чулым и Томь, которые первоначально вошли

в состав Сургутского уезда. В 1596 г. из Сургута в княжество Пегая орда на р. Оби были отправлены служилые люди, чтобы взять ясак за 1595-1596 гг. Однако люди Пегой орды отказались платить ясак и давать аманатов. По русским данным, Пегая орда была довольно сильным княжеством и могла выставить 400 воинов. По данным князя Бардака, союзника русских, Пегая орда заключила союз с Кучумом. В 1596 г. в Москве планировали организовать поход на Пегую орду из Сургута силами городов Сибири (Тобольска, Березова и Сургута) и поставить там временный острог для служилых людей. После разгрома Пегой орды планировалось не оставлять там служилых людей и острога, так как этот район был удален от Сургута. Однако позднее на территории Пегой орды появились 2 русских острога – Нарымский и Кетский. Е.В. Вершинин показал, что русский поход на Пегую орду состоялся летом 1597 г. В результате Пегая орда была разгромлена, и русские построили Нарымский острог.

Б.О. Долгих считал, что в 1605 г. из состава Сургутского уезда был выделен Кетский, а между 1612 и 1618 гг. Нарымский уезды. По данным Книги Записной, в 1596 г. атаман из Сургута Тугарин Федоров поставил остроги Нарымский и Кетский, а затем был приказным в них. По летописи в 1600-1601 гг. на место атамана Тугарина Федорова в остроги были посланы первые воеводы. В Нарымский острог Мирон Тимофеев сын Хлопов, а в Кетский острог Григорий Федоров сын Елизаров. По данным Е.В. Вершинина, Мирон Тимофеев сын Хлопов был послан в Нарымский острог только в 1611 г. В результате в это время был образован Нарымский уезд [21, 163]. А.Т. Шашков считал, что Кетский острог был основан только в 1602 г. Я.Г. Солодкин справедливо полагал, что русские построили Кетский острог в результате похода в Пегую орду в 1601 г. По данным разрядных книг, окончательно русские подчинили Пегую орду только в 1601 г., когда воевода Сургута Яков Баря-

тинский послал в Пегую орду отряд служилых людей под командой головы ставить острог. Этот поход завершился победой служилых людей. В Москву был послан сеунч князь Иван Афанасьев сын Мещерский [22, 127 – 130].

Первые гарнизоны Нарымского и Кетского острогов полностью состояли из годовальщиков, присланных из Сургута. В 1601 г. служилые люди Сургута жаловались, что они служат в Нарымском и Куныцком острогах, а 50 человек из гарнизона были отправлены ставить острог на р. Енисей. По данным К.Б. Газенвинкеля, использовавшего материалы разрядных книг, к 1625 г. в Нарымском остроге уже имелся собственный гарнизон, следовательно, к этому времени постоянные посылки годовальщиков туда прекратились. В Кетский острог с 1625 по 1631 гг. продолжались посылки 20 годовальщиков из Сургута. Нами приводились сведения, по которым в Нарымском и Кетском остроге служило по 30 годовальщиков [23, 112; 24, 106; 25, 139]. Я.Г. Солодкин писал, что «опубликованные документы начала XVII в. убеждают», что туда отправлялось из Сургута только 10 служилых людей [26, 32]. Но надо сказать, что количество годовальщиков, посылаемых в тот или иной острог Сибири, не всегда оставалось постоянным, меняясь в зависимости от ситуации. Это общее положение относится и к данному случаю. Материалы Сибирского приказа за 1628 г. подтверждают в этом случае правоту К.Б. Газенвинкеля: количество годовальщиков, посланных из Сургута в Кетский острог, составляло в это время 20 чел. Служилые люди Сургута в 1611 г. в Москве в приказе Казанского дворца просили о переносе Нарымского и Кетского острогов и заявили, что их посылают в эти остроги «по 30 человек в острог». Эти сведения затем были посланы из приказа Казанского дворца в Тобольск, и воевода князь Иван Катырев-Ростовский сообщил их в отписке нарымскому воеводе. Затем 9 июля 1611 г., после получения подобной

отписки из Тобольска, сургутские воеводы Федор Волынский и Иван Благой в отписке кетскому воеводе, приведя данные заявления сургутских служилых людей в Москве, сообщили, что в это время в Нарымский острог из Сургута посылается 20 годовальщиков. Приведенное казаками количество годовальщиков в Кетском остроге не комментировалось, а значит, соответствовало реальному положению 1611 г. Эти сведения дошли до нас в ответной отписке кетского воеводы. Полагаю, что сургутские служилые люди указали здесь количество годовальщиков, посылаемых из Сургута в остроги за несколько лет до того.

Таким образом, первое время после основания Нарымского и Кетского острогов, когда еще не было Томска и эти укрепления являлись крайними русскими форпостами в Приобье, откуда русские обложили данью на юге волости по реке Томь, а на востоке вышли к Енисею, количество годовальщиков состояло по 30 служилых людей в острог. Затем к 1611 г. количество годовальщиков в Нарымском остроге уменьшилось до 20 человек, а позднее к 1625 г. в Кетском остроге количество годовальщиков также уменьшилось до 20 служилых людей. В 1628 г. в Кетском остроге служили 20 годовальщиков. Когда же прекратилась посылка на «годовую службу» в Кетский острог из Сургута? К.Б. Газенвинкель по материалам разрядных книг установил, что к 1635 г. в Кетском остроге появляется гарнизон в 20 казаков. В материалах Сибирского приказа удалось найти данные, позволившие более точно узнать время этого события, – в 1633 г. был издан царский указ о создании постоянного гарнизона в Кетском остроге. Важным обстоятельством является тот факт, что новый гарнизон был создан на базе «годовой службы» – 20 служилых людей из Сургута были переведены в Кетский острог с их семьями на постоянную службу [РГАДА, Ф. 214, Ст. 61, Л. 518]. Полагаю, что до 1625 г. таким путем возник и постоянный гарнизон Нарымского острога.

В 1604 г. в Томской волости Сургутского уезда по указу царя Бориса Годунова был основан Томский острог. Сургут в этом случае явился сборным пунктом сибирских служилых людей, отправленных для строительства укреплений Томска. Отряд тобольских, сургутских, березовских и тюменских служилых людей возглавили сургутский голова Гаврило Писемский и тобольский голова Василий Тырков. Наблюдение за ходом строительства Томска было поручено царским указом сургутскому воеводе Ф.В. Головину: «... а однолично б еси Гаврила Писемского и Василья Тыркова со всеми служивыми людми и з запасы отпустил из Сургута в Томскую волость, не измешкав, чтоб им дойти вскоре и город поставити, и служивым бы людем и тотаром, которым велено, отпустить назад, не зазимовать. А как Гаврила и Василья в Томскую волость отпустишь, и в котором числе, и что у них в Томской волости учнет делатца, и ты б о том отписал к нам к Москве» [27, 32]. Гаврило Писемский и Василий Тырков после основания Томска правили городом два года. В 1606 г. царь приказал Гавриле Писемскому ехать к Москве, а Василию Тыркову в Тобольск. В Томск были посланы головы Матвей Ржевский и Семен Бартечев. Однако Сургут еще долго играл большую роль в службах гарнизона Томска и снабжении его продовольствием.

После основания Томска в 1604 г. в него отправляли годовальщиков из ближайшего крупного русского центра – Сургута. Эта служба была тяжелой для сургутского гарнизона. В 1625 г. тобольский воевода князь Трубецкой приказал послать из Сургута в Томский город и Мелесской острог на смену ранее посланным служилым людям 45 годовальщиков. Воевода Сургута Н.Е. Пушкин писал в Москву, что, кроме обычных поездок служилых людей по уезду и в Москву, 20 годовальщиков традиционно посылалось в Кетский острог, и 42 служилых человека в этом году надо было отправить с хлебом в Енисейский острог,

после чего в городе останется крайне мало служилых людей. Н.Е. Пушкин направил в 1625 г. годовальщиков только в Мелесской и Кетский остроги, отказавшись послать их в Томский город. Однако в 1628 г. 30 человек из Сургута состояли на годовой службе в Томском городе. Годовая служба в Томске закончилась в 1629 г., когда город стал центром особого разряда.

Правительство прибирало в Сургуте людей в Томск и на житье. В 1605 г. по государеву указу в служилые люди и в крестьяне нового Томского города было приказано прибрать в Сургуте 50 человек. Организаторы экспедиции строительства Томска Гавриил Писемский и Василий Тырков сообщили в Москву, что они прибрали в Сургуте для Томска только 5 человек и больше там не было резерва людских ресурсов. В результате правительство отправило приказ найти в уезде людей для Сургута и Томска воеводам Верхотурья. Однако затем служилые люди города переводились в Томск. В результате в гарнизоне Томска было много служилых людей из Сургута. В 1609 г. в Москве были служилые люди Сургута сын боярский Иван Пуцин, Василий литвин, казак Петрушка Павлов и стрелец Михалко Лукьянов. В этой поездке в Москву сын боярский Иван Пуцин получил перевод из Сургута в Томский город, где был назначен сотником стрельцов. Еще один служилый человек Сургута, литвин Андрюшка Иванов, был так же переведен в Томск, в конные служилые люди. Царским указом воеводе Сургута требовалось отпустить из города Ивана Пуцина и Андрюшку Иванова с «животами в Томск». По данным Сибирского Летописного Свода, позднее атаман Иван Пуцин сидел год на воеводстве в Томске перед Гаврилой Хрипуновым [1, 344].

В первые десятилетия после основания Томска на гарнизон Сургута была возложена обязанность снабжения этого города хлебом. В 1628 г. 15 служилых людей были отправлены за хлебными запасами, которые посылались из Тобольска в Томский

город томским служилым людям на жалование. В 1633 г. в Тобольск было отправлено для транспортировки в Сургут хлебных запасов 52 казака. В 1638 г. 40 человек было отправлено за хлебом в Тобольск и на Верхотурье. Позднее во второй половине XVII в. число казаков было снижено до 30 человек. Кроме того, на служилых людях лежала обязанность отправления дощаников назад в Тобольск. В 1647 г. 14 казаков, в 1649 г. 49 казаков, а в 1660 г. 37 казаков «гнали дощаники» в Тобольск.

Гарнизон Сургута имел большое значение в колонизации Восточной Сибири и начал присоединение к Русскому государству бассейна Среднего Енисея. В.А. Александров справедливо считал, что утверждение русской власти на среднем Енисее происходит только с начала XVII в., когда на р. Оби были основаны русские города Сургут, Нарым, Томск, Кетск. Из городов среднего Приобья русские через Кетск шли на среднее течение Енисея, из Томска открывался путь к верхнему течению Енисея [28, 34].

В.А. Александров полагал, что «этот процесс не был строго централизован и не был подчинен руководству одного из этих воеводств». Однако Нарым и Кетск в это время не имели большого значения, в них не было собственных гарнизонов, там служили годовальщики из Сургута. Гарнизон Томска также долгое время состоял из годовальщиков городов Сибири, перед городом на юге Сибири стояли большие проблемы. Главную роль в колонизации среднего течения р. Енисея в это время играл именно гарнизон Сургута. Этот факт признает и В.А. Александров, отмечая, что в первые десятилетия XVII в. главную роль в колонизации среднего течения р. Енисея играл г. Сургут.

В.А. Александров показал, что служилые люди Сургута построили первый русский острог в бассейне среднего Енисея. В материалах Сибирского приказа ученый нашел грамоту воеводы Сургута князя Я.П. Барятинского о посылке 50 служилых

людей из Сургута на р. Енисей для строительства острога. В.А. Александров отмечал, что нет данных о положении и судьбе этого острога, но факт существования русского острога на р. Енисей начала XVII в. не вызывает сомнения. В 1617 г. воевода Тобольска князь Куракин запрашивал сведения о путях на Енисей у служилых людей Кетского острога, которые были на востоке.

По мнению В.А. Александрова, успехи русских в центре Енисейского края в первой четверти XVII в. «нельзя признать значительными». Гарнизон Сургута не имел сил для освоения всего Енисейского края. В 1609 г. годовальщики из Сургута на р. Енисей разбили тунгусов. Но развить эти успехи мешало отсутствие крупных военных баз в крае. Только в 1619 г. был официально учрежден в качестве уездного центра Енисейский острог. Служилые люди Сургута служили там до 1625 г. в качестве годовальщиков с представителями других городов Сибири. В.А. Александров справедливо отмечает, что расширение Енисейского уезда «в значительной степени было связано с организацией местной вооруженной силы».

Позднее служилые люди Сургута участвовали в присоединении новых земель на востоке. Служилые люди Сургута приняли участие в двух больших экспедициях на восток Сибири – Якова Хрипунова на р. Енисей, куда были посланы 20 человек, и Афанасия Пашкова в Даурию, куда отправились 10 человек, которые находились там еще в 1660 г. [РГАДА, Ф. 214, Кн. 1, Л. 172]. Постоянно служилые люди города участвовали в экспедициях на озеро Ямыш. В 1628 г. в экспедицию отправили 24 человека, в 1630-е гг. это количество возросло до 40 человек. В 1640-1660 гг. количество служилых людей достигло 51 человека, однако затем начало сокращаться до 30 человек (1672 г.) и 25 человек (1685 г.). Источники отмечают, что в отдельные годы за службу в экспедиции на озеро Ямыш служилые люди направлялись на другие работы. В 1633 г. из Сургута были

взяты в Тобольск на озеро Ямыш 40 человек. В Тобольске этих служилых людей еще послали из разрядного центра Сибири в Тюмень за хлебными запасами.

В 1630-е гг. 40-50 служилых людей посылались за хлебом до Тобольска, позднее эти посылки направлялись уже на Верхотурье. В 1640-1680 гг. каждый год в них участвовали 30 служилых людей. В списке 1638 г. отмечалось, что еще 20 служилых людей посылались за хлебными запасами на встречу этих экспедиций. В Москву с ясачной казной и отписками отправляли от 10 человек (1633 г.) до 7-6 человек в 1640-1660 гг. В 1672 г. в Москву было отправлено всего 2 человека. По данным источников, служилые люди в пути подвергались нападениям ненцев. В 1641 г. ненцы напали на отряд из 7 казаков Сургута, которые везли в Москву ясачную казну. Казаки отбили ненцев и привезли пушнину в Сибирский приказ. В уезд за ясаком отправлялись в первой половине XVII в. 16 человек, а позднее по 21 человеку. Так, список 1633 г. отмечал, что в этом году «послано в уезд для ясачного сбора весной и осенью по 16 человек». В списках часто отмечается особая служба служилых людей у государственной казны в целовальниках, которая была обусловлена отсутствием посадского населения в городе, на которое эта служба была возложена в других городах. Количество служилых людей в 1630-1680 гг. на этой службе оставалось постоянным и составляло 4 человека.

В 1628 г. из 202 человек гарнизона большая часть находилась «на государеве службе посылки» – была отправлена с поручениями в другие районы Сибири. По данным расписания служб Тобольского разряда за 1672 г., из 192 служилых людей гарнизона 83 чел. стояли постоянно на караулах в городе и остроге. Остальные 109 чел. находились «на службах и в посылках», 18 чел. находилось в Красноярском остроге «для обереганья от воинских людей», 21 чел. ездил по ясачным волостям уезда для сбора ясаку.

В списках постоянно отмечается, что в Сургуте остаются за посылками немногие

служилые люди, а оставшиеся находятся на караулах в городе и в остроге. Часть служилых людей посылались в Тобольск с отписками о всяких делах, а другие отправлялись до Томска за ссыльными и за литовскими людьми, которые присылались из Тобольска. Так, в 1672 г. 4 казака сопровождали ссыльных на восток. В 1675 г. 80 казаков города были взяты русским посольством в Китай в качестве ямщиков. В 1614 г. служилые люди Сургута жаловались, что их посылали в Нарымский, Кетский остроги, в Томский город, на Тару, на озеро Ямыш и на многие другие дальние службы, где они терпели «нужду и голод». Особенно служилые люди не хотели участвовать в дальних поездках в южные уезды Сибири. В 1615 г. служилые люди просили государя не посылать их больше на службу в Томский город и на озеро Ямыш. По данным служилых людей, на эту службу их отправили воеводы без государева указа.

В XVIII в. сокращение гарнизона привело к изменению численности служилых людей на различных службах. К 1741 г. в ясачные волости направляли только 20 чел., (в 1765 г. – 15 чел.). Провиант, но уже не из Верхотурья (т.е. доставленный из европейской части), а из южных Тобольских уездов везли 20 казаков. Около 100 чел. находилось в Сургуте при службах и караулах (в 1765 г. – 60 чел.), 20 ежегодно посылались в Тобольск «за ясачною и поминочною казною разною мягкою рухлядью и за денежною казною и с отписки и с репортами». После строительства Иртышской линии ушли в прошлое походы к озеру Ямыш.

В 1748 г. генерал-майор Киндерман предписал губернатору Сибири отправить на укрепления при Барнаульских заводах «казаков из разных мест», в том числе из Сургута 65 и из Березова 56. Воевода Сургута, в ответ на это требование, сообщил, что из 126 казаков гарнизона 21 чел. не могут нести службу из-за болезней. Из оставшихся 105 казаков 62 чел. находятся «в расходе» – т.е. выполняют различные службы за пределами города. «Остается 43,

их которых надлежит по прежним примерам будущей весной послать за провиантом... и ясаком 30 человек. Останется 13, и таким малым числом не токмо в нужном случае город охранить, но и караулов содержать невозможно». Чиновники Сургута сообщили еще несколько причин, по которым немедленный перевод казаков на юг не был возможен – снега занесли дорогу по Оби до Нарыма: «дороги нет и зимним временем никто не проезжает». Кроме того, в Сургуте имелось только 40 лошадей, из которых годными к службе было признано 10, ружей годных 22, а негодных 15. В 1749 г. из Сургута просили прислать палаши для вооружения, сообщая, что у казаков нет этого вида холодного оружия. Приведя эти факты, администрация Тобольска просила Киндермана отменить приказ о высылке казаков из Сургута и Березова. Однако перевод в Барнаул был осуществлен, хотя и не в том размере, как планировалось ранее. В ноябре 1749 г. в отписке в Тобольск воевода Сургута сообщал, что в городе «за высылкою в Барнаул, осталось 96 человек», т.о. было послано 30 казаков.

Перевод казаков Сургута в южные крепости оправдывался, с точки зрения Киндермана, долгим отсутствием восстаний на территории уезда. Власти Сургута считали, что это спокойствие обманчиво и может быть быстро нарушено, отписки из Сургута постоянно говорят о возможности бунта местного населения. Эта позиция находила поддержку в Тобольске. Зимой 1716 г. самоеды из Березовского уезда пришли к остякам Пимской волости Сургутского уезда и предложили им вместе напасть на Сургут и Березов, «а в них комендантов и грацких жителей побить всех». В 1729 г. уже сами остяки готовили восстание, хотели «город Сургут разорить». По розыску властей несколько остяков было поймано, «которые и винулись», и движение обезврежено.

По данным сибирских властей, к середине XVIII в. в Сургуте и в Березове необходимо было содержать вооруженные отряды казаков. «А у онога города Сургута кочует иноземцев несколько тысяч человек,

да сверх того по вся зимы приезжают близ Сургута дикой самоеди многочисленное число, чего де ради тамошние сургутские казаки стоят на караулах безменно.» Весной и летом остяки кочевали по р. Оби, осенью они откочевывали в «дальние места». Наиболее опасным временем, когда можно было ожидать восстания остяков, по словам местных жителей, была весна: «по объявлению тамошних обитателей всегда надлежит опасаться... ибо весною, по вскрытии воды, приезжают те иноземцы в Сургут с ясаком по одной тысяче человек».

В конце XVIII – первой половине XIX в. численность служилых Сургута постепенно восстанавливается, хотя так и не достигает численности, имевшейся до 1737 г. (1765 г. – 125 чел., 1804 г. – 140 чел., 1851 г. – 150 чел.) По заявлению сибирских властей, и в XIX в. имелась необходимость содержания гарнизона в Сургуте «по обширности сибирской губернии и окружении жителей из диких народов по городам без казаков обойтись нельзя» [29, 43].

Город Сургут был основан в 1594 г. отрядом воевод князя Федора Барятинского и Владимира Аничкова для контроля Русского государства над территорией Среднего Приобья. После основания Сургут стал главным военным и административным центром на востоке Сибири. На юге Сибири служилые люди Сургута подчинили русской власти территории Среднего Приобья по р. Томь. Позднее правительство организовало на этих землях Нарымский, Кетский и Томский уезды. На востоке Сургут стал центром русской колонизации по р. Енисей. Из служилых людей Сургута формировались гарнизоны Нарымского острога и Кетского острога, многие стали служить в Томском городе. В 1601 г. гарнизон города насчитывал 280 человек, позднее его численность уменьшилась до 200 человек. Главное значение в гарнизоне имели стрельцы и казаки, кроме них были служилые иноземцы – литва и черкасы. Служилые люди были фактически единственной группой русского населения уезда. Гарнизон Сургута выполнял значительные службы на территории уезда.

Литература

1. Книга Записная, Сибирский летописный свод // Полное собрание русских летописей. – М., 1987. Т. 36.: Сибирские летописи. С. 138-176.
2. Сторожев В.Н. Материалы для истории русского дворянства Ч. 2. М.: Издание общества истории и древностей российских при Московском университете, 1909. 222 с.
3. Разрядная Книга 1550 – 1636. Т. 2. В. 1. М.: Изд-во Ин-та истории АН СССР, 1976. 492 с.
4. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII и роспись русского войска 1604 г. М.: ГАУ. ЦГАДА, 1979.
5. Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII вв.). СПб., 2010. 445 с.
6. История Сибири. В 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России / АН СССР; Ин-т истории филологии, философии. Л.: Наука, 1968. 539 с.
7. Пузанов В.Д. Гарнизон Березова в XVII в. / В.Д. Пузанов // Вестник Поморского университета. – 2009. – № 9. Серия Гуманитарные и социальные науки. С. 83-89.
8. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
9. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университета. Историко-филологические науки. Томск, 1950. Т. 112. С. 23–210.
10. Избрант Идес и Адам Брад. Записки о русском посольстве в Китай (1692 – 1695). М.: Наука, 1967. 404 с.
11. Буцинский П.Н. Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. // Сочинения: в 2 т. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 2. С. 79-110.
12. Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск: Автор, 1996. 224 с.
13. Вернадский Г.В. Московское царство. М.: АГРАФ, 2000. 412 с.
14. Материалы для истории Сибири / Сост. Г.Н. Потанин. М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1867. 324 с.
15. Солодкин Я.Г. Служилые люди Сургута в первые годы его существования / Я.Г. Солодкин // Очерки истории Сургута. Сургут, 2002. С. 24-35.
16. Гневушев А.М. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. 421 с.
17. Тобольский архиерейский дом в XVII в. История Сибири. Первоисточники. Вып. IV. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1994. 292 с.
18. Пузанов В.Д. Беломестные казаки в Сибири XVII в. / В.Д. Пузанов // Вестник Поморского университета. – 2008. – № 14. Серия Гуманитарные и социальные науки. – С. 103-109.
19. Пузанов В.Д. Беломестные казаки в Сибири XVII – первой трети XVIII в. / В.Д. Пузанов // Вопросы истории. – 2012. – № 10. – С. 71-86.
20. Кириллов И.К. Цветущее состояние всероссийского государства. М.: Наука, 1977. 444 с.
21. Вершинин Е.В. Воеводское управление Сибири. Екатеринбург: Развивающее обучение, 1998. 204 с.
22. Солодкин Я.Г. О датировке поставления Березова и Кетска / Я.Г. Солодкин // Северный регион. – 2003. – № 1. – С. 125-130.
23. Пузанов В.Д. Служба годовальщиков Сибири XVII в. / В.Д. Пузанов // Славянский ход 2005. Материалы исследования. Альманах. Выпуск 2. Ханты-Мансийск-Сургут, 2005. С. 106-118.
24. Пузанов В.Д. Военная служба годовальщиков в Сибири в XVII в. / В.Д. Пузанов // Северный регион: наука, образование, культура. Научный и культурно-просветительский журнал. – 2005. – № 1. – С. 97-112.
25. Пузанов В.Д. Годовальщики в Сибири / В.Д. Пузанов // Вопросы истории. – 2009. – № 2. – С. 132-142.
26. Солодкин Я.Г. «Сургуцкий город» и присоединение к России сибирских земель в конце

- XVI – начале XVII вв. / Я.Г. Солодкин // Северный регион: наука, образование, культура. Научный и культурно-просветительский журнал. – 2004. – № 1. – С. 31–38.
27. Первое столетие сибирских городов. XVII век. История Сибири. Первоисточники. Вып. VII. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. 190 с.
28. Александров В.А. Русское население Сибири начало XVII – начало XVIII в. Енисейский край. М.: Наука, 1964. 302 с.
29. Миненко Н.А. Северо-западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 308 с.

References

1. Книга Zapisnaja, Sibirskij letopisnyj svod // Polnoe sobranie russkikh letopisej. – М., 1987. – Т. 36.: Sibirskie letopisi. – S. 138 – 176.
2. Storozhev V.N. Materialy dlja istorii russkogo dvorjanstva Ch. 2. М.: Izdanie obshhestva istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete, 1909. – 222 s.
3. Razrjadnaja Kniga 1550 – 1636. T. 2. V. 1. М. : Izd-vo In-ta istorii AN SSSR, 1976. – 492 s.
4. Bojarskie spiski poslednej chetverti XVI – nachala XVII i rospis' russkogo vojska 1604 g. М. : GAU. CGADA, 1979.
5. Puzanov V. D. Voennye faktory russkoj kolonizacii Zapadnoj Sibiri (konec XVI – XVII vv.) Spb. 2010. 445 s.
6. Istorija Sibiri. V 5 t. T. 2. Sibir' v sostave feodal'noj Rossii / AN SSSR ; In-t istorii filologii, filosofii. L. : Nauka, 1968. – 539 s.
7. Puzanov V. D. Garnizon Berezova v XVII v. / V. D. Puzanov // Vestnik Pomorskogo universiteta. 2009. № 9, serija Gumanitarnye i social'nye nauki. S. 83 – 89.
8. Dolgih B.O. Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII v. М. : Izd-vo AN SSSR, 1960. – 622 s.
9. Bojarshinova Z.Ja. Naselenie Tomskogo uezda v pervoj polovine XVII v. // Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriko-filologicheskie nauki. – Tomsk, 1950. T. 112. – S. 23–210.
10. Izbrant Ides i Adam Brad. Zapiski o russkom posol'stve v Kitaj (1692 – 1695). М. : Nauka, 1967. – 404 s.
11. Bucinskij P.N. Surgut, Narym i Ketsk do 1645 g. // Sochinenija : v 2 t. Tjumen' : Izd-vo Ju. Mandriki, 1999. T. 2. – S. 79–110.
12. Akishin M.O. Policejskoe gosudarstvo i sibirskoe obshhestvo. Jepoha Petra Velikogo. Novosibirsk : Avtor, 1996. – 224 s.
13. Vernadskij G.V. Moskovskoe carstvo. М. : AGRAF, 2000. – 412 s.
14. Materialy dlja istorii Sibiri / Sost. G.N. Potanin. М. : Imp. O-vo istorii i drevnostej rossijskikh pri Mosk. un-te, 1867. – 324 s.
15. Solodkin Ja.G. Sluzhilye ljudi Surguta v pervye gody ego sushhestvovanija /Ja. G. Solodkin // Oчерki istorii Surguta. – Surgut, – 2002. – S. 24–35.
16. Gnevushev A.M. Akty vremeni pravlenija carja Vasilija Shujskogo. М., 1914. – 421 s.
17. Tobol'skij arhierijskij dom v XVII v. Istorija Sibiri. Pervoistochniki. Vyp. IV. Novosibirsk : Sib. hronograf, 1994. – 292 s.
18. Puzanov V. D. Belomestnye kazaki v Sibiri XVII v. / V. D. Puzanov // Vestnik Pomorskogo universiteta. 2008. № 14, serija Gumanitarnye i social'nye nauki. S. 103 – 109.
19. Puzanov V. D. Belomestnye kazaki v Sibiri XVII – pervoj treti XVIII v. / V. D. Puzanov // Voprosy istorii.- 2012. - № 10. – S. 71 – 86.
20. Kirillov I.K. Cvetushhee sostojanie vsrossijskogo gosudarstva. – М.: Nauka, 1977. – 444 s.
21. Vershinin E.V. Voevodskoe upravlenie Sibiri. Ekaterinburg : Razvivajushhee obuchenie, 1998. – 204 s.
22. Solodkin Ja.G. O datirovke postavljenija Berezova i Ketska /Ja. G. Solodkin // Severnyj region. – 2003. – № 1. – S. 125-130;
23. Puzanov V. D. Sluzhba godoval'shnikov Sibiri XVII v. / V. D. Puzanov // Slavjanskij hod 2005. Materialy issledovanija. Al'manah. Vypusk 2. Hanty-Mansijsk-Surgut, 2005. S. 106 – 118.

24. Puzanov V. D. Voennaja sluzhba godoval'shhikov v Sibiri v XVII v. / V. D. Puzanov // Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura. Nauchnyj i kul'turno-prosvetitel'skij zhurnal. 2005. № 1, S. 97 – 112.
25. Puzanov V. D. Godoval'shhiki v Sibiri / V. D. Puzanov // Voprosy istorii 2009. № 2. S. 132 – 142.
26. Solodkin Ja. G. «Surguckij gorod» i prisoedinenie k Rossii sibirskih zemel' v konce XVI – nachale XVII vv. / Ja. G. Solodkin // Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura. Nauchnyj i kul'turno-prosvetitel'skij zhurnal. – 2004. – № 1 – S. 31–38.
27. Pervoe stoletie sibirskih gorodov. XVII vek. Istorija Sibiri. Pervoistochniki. Vyp. VII. Novosibirsk : Sib. hronograf, 1996. – 190 s.
28. Aleksandrov, V. A. Russkoe naselenie Sibiri nachalo XVII – nachalo XVIII v. Enisejskij kraj. M. : Nauka, 1964. – 302 s.
29. Mینenko N.A. Severo-zapadnaja Sibir' v XVIII – pervoj polovine XIX v. Novosibirsk : Nauka. Sib. otd-nie, 1975. – 308 s.